

УДК 94(571.6)

Попов Ф. А.

Вторая сессия Несоциалистического Съезда во Владивостоке (11–25 июня 1921 г.): основные проблемы Приморья после антибольшевистского переворота и дискуссии вокруг них

Приморье перед новой сессией Несоциалистического Съезда

В результате переворота 26 мая 1921 г. Приморское Областное Управление ДВР (правительство коммуниста В.Г. Антонова) было отстранено от власти в пользу Временного Приамурского правительства (ВПП), образованного на основе Совета Несоциалистического Съезда. Указом от 30 мая 1921 г. ВПП, вопреки данной главой правительства С.Д. Меркуловым обещаниям, распустило Приморское Областное Народное Собрание (ПОНС) – парламент, созданный при земском правительстве эсера А.С. Медведева с претензиями на представительство всего Дальнего Востока (первоначальное название: Временное Народное Собрание Дальнего Востока) и продолживший функционировать после признания верховенства Дальневосточной республики (ДВР) в статусе областного представительного органа [10]. Правительство, чьей идеологией являлась дальневосточная вариация русского национализма – "несоциализм", не мог позволить параллельное существование парламента с левым большинством.

Первые дни после переворота единственным носителем власти являлось ВПП, от его имени издавались нормативно-правовые акты, закладывавшие основы белой приамурской (приморской) государственности. Неудачная попытка депутатов ПОНС выступить альтернативным "центром притяжения" провалилась из-за малочисленности собранного ими "частного совещания" и неавторитетности его членов. Тем не менее меркуловский режим нуждался в опоре на народное представительство для легитимизации своей власти. С этой целью правительство объявило о подготовке к выборам в Приамурское Народное Собрание (ПНС) и указом № 13 от 14 июня утвердило положение о выборах в него [1, с. 2–3; 31, с. 1–5]. В период же до созыва ПНС роль легитимирующего представительного органа для ВПП должен был сыграть Несоциалистический Съезд.

Первая сессия Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока (он же – Несоциалистический Съезд, или Несоцсъезд) прошла 20–31 марта 1921 г [22, с. 98–105]. На ней была сформулирована идеологическая программа русских националистов враждебных ДВР, а сам Несоцсъезд стал главным центром сопротивления советизации Приморья, аккумулировав вокруг себя все правые силы региона (либерально-демократические "срединные силы", не принявшие "реакционную" программу Несоцсъезда), образовали в начале мая 1921 г. Демократический Союз [13, с. 326–328]. Блоковая структура Несоцсъезда подразумевала работу многих организаций в рамках одной общей для всех платформы. Делегирование политическими, профессиональными, земляческими и прочими объединениями представителей на Несоцсъезд служило альтернативой выборам по "четырёххвостке". Такой подход к комплектованию представительного органа позволял обеспечить представительство малочисленных, но влиятельных "цензовых" групп населения (торгово-промышленников, домовладельцев и т.д.) и одновременно помешать социалистам использовать популистские лозунги среди наиболее крупных социальных страт (рабочие, крестьянство) для формирования "левого большинства". Опыт Несоцсъезда будет использован приморскими правыми при

© Попов Ф. А., 2021

ПОПОВ Фёдор Алексеевич, аспирант кафедры Новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета (г. Москва). E-mail: popovf1992@mail.ru

проектировании Дальневосточного Учредительного Съезда и созыве Приамурского Земского Собора. По верной оценке В. Ж. Цветкова, Несоцсъезд можно считать "своеобразным преддверием, "фундаментом" будущего монархического форума" [37, с. 412].

Созыв Съезда: поставленные задачи и делегирование представителей

Бюро Несоциалистического Съезда наметило открытие второй (чрезвычайной) сессии на 10 июня, избрав местом проведения заседаний здание владивостокского Общедоступного театра (общежитие для участников было устроено в здании бюро Несоцсъезда на Светланской, 42) [18, с. 4]. Однако для того, чтобы к открытию успели делегаты из других населённых пунктов, оно было перенесено на 11 июня [26, с. 2].

Задачи, поставленные перед второй сессией Несоцсъезда, вытекали из его статуса источника власти. "Выделив" из себя революционное правительство, Несоцсъезд должен был, на правах надпартийной блоковой структуры, публично подтвердить полномочия ВПП. При этом Несоцсъезд не упразднялся после своей фактической победы; взамен членов Совета Съезда, вошедших в правительство, должны были быть избраны новые. По мнению правой газеты "Слово", "Съезд своим авторитетом должен оказать поддержку Правительству, влить в действия Правительства твердую уверенность, что за Правительством – все население Края" [28, с. 1]. Для понимания сущности "национал-демократической" модели, выразившейся в Несоцсъезде, важно пояснение С. Д. Меркулова о смысле понятия "воля народа": "Воля народа как самостоятельного понятия не существует, есть только воля людей, составляющих народ" [36, с. 2]. Исходя из этих слов главы ВПП можно заключить, что повышенное внимание уделялось репрезентативности Несоцсъезда.

Работа второй сессии продемонстрировала достаточно широкую социальную базу Несоцсъезда. По сравнению с первой сессией несоциалисты не только не растеряли сторонников, но и увеличили их количество. Политинспекция Народно-революционной армии ДВР сообщала о Съезде 20–31 марта 1921 г. следующее: "Состав зрителей разнообразен. Очень мало /около 10/ женщин, много офицеров, крестьян, а всего больше тех, кого раньше называли мешанями – жителей окраин, приказчиков и т.п. В общем, как говорится публика серая. Делегаты... разнообразны по специальному составу своему. Очень много интеллигенции, средней и мелкой буржуазии и опять жителей окраин, мелких домовладельцев, крестьяне, служилый элемент" (Ф. 372. Оп. 1. Д. 42. Л. 140)¹. Сессия 11–25 июня 1921 г., по оценке "Слова", также представляла сравнительно широкие слои населения: "Вы увидите в нем и бедняка засельщика городской земли, и инвалида великой войны, и домовладельца, кушца, казака-хлебороба, прихожанина, крестьянина, представителя свободной профессии и даже представителя местных корейских обществ" [33, с. 1]. Таким образом, на второй сессии Несоцсъезда (как и на первой) преобладали социальные группы, которые можно условно объединить в категорию "мелкой буржуазии". Наряду с ней участие в заседаниях принимали представители крестьянства, настроенные, впрочем, оппозиционно к ВПП. Минимально были представлены приморские рабочие (шахтёры Сучанских угольных копей, рабочие владивостокского порта и т.д. проигнорировали Несоцсъезд). Один из главных идеологов несоциализма, с 8 по 15 июня председатель Совета управляющих ведомствами (СУВ) В.Ф. Иванов, так оценивал текущее состояние и перспективы "рабочего класса": "Необходимо сказать, что наш рабочий – он не европейский. Он буйная мастеровщина, ничего не признающая, даже своей выгоды. Рабочий класс добровольно надел на себя неслыханное ярмо советской кабалы. И у нас есть другие рабочие – более сознательные, уже понявшие, что дает Советская Россия – это Ижевцы, Воткинцы, железнодорожники и ряд других" [36, с. 2]. Как видно, Иванов противопоставлял "несознательных", поддавшихся на большевистскую пропаганду рабочих – рабочим "сознательным", в основном участникам Ижевско-Воткинского восстания и служащим Уссурийской железной дороги.

¹ РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Уклонились от участия во второй сессии, сославшись на "отпуск", и некоторые видные торгово-промышленники, участвовавшие в "мартовском" Несоцсъезде: Э.И. Синкевич, Н.И. Куркутов, В.Я. Исакович и К.В. Новинский (торгово-промышленные организации были представлены другими делегатами) [6, с. 2]. По-разному отнеслись к Несоцсъезду владивостокский и харбинский отделы партии Народной Свободы (кадеты): если "харбинцы" приняли решение отправить на Съезд делегатов, то "владивостокцы" воздержались от участия в нём. Это объяснялось популярностью среди харбинских кадетов идеи вооружённой борьбы с большевиками и "пацифистскими" настроениями среди их владивостокских однопартийцев [23, с. 2].

На 19 июня мандатная комиссия зарегистрировала 329 делегатов, которых в реальности приехало больше, т. к. ряд мандатов не был утверждён комиссией [39, с. 2]. Князь А.А. Крапоткин насчитал 96 организаций, представленных на июньской сессии, что почти вдвое больше, чем на мартовской [36, с. 2]. Всплеск общественно-политической жизни Владивостока, вызванный переворотом 26 мая и открытием Несоцсъезда, привёл к трансформации образа столицы Приморья в глазах политических обозревателей. Один из авторов "Слова" писал, что в период диктатуры А.В. Колчака Владивосток был "городом спекулянтов", однако "за последний месяц, в особенности с приездом Харбинцев, Владивосток превратился в политический центр" [11, с. 1]. Уход "владивостокских" членов Совета Съезда в правительство привёл к преобладанию "харбинских" несоциалистов, что порождало недопонимание коренных жителей Приморья. "Получилось нелепое положение: в совете Съезда числится 4 Харбинца, 1 Хабаровец и ни одного Владивостокца. Быть может в этом-то и кроется причина всех упреков, бросаемых Съезду" [40, с. 1] – писал в "Слове" автор под псевдонимом "Член Съезда". Вопросы вызвало решение Совета Съезда пригласить на вторую сессию организации, не участвовавшие в первой сессии, чем нарушался наказ, выработанный на "мартовском" Несоцсъезде. Кроме того, председатель политической секции В.Ф. Иванов допустил к работе секции ранее исключённых делегатов, членов Демократического Союза [40, с. 1].

Вопрос о представительности съезда решался непосредственно на его втором открытом пленарном заседании 19 июня. Условия допуска на Несоцсъезд разрабатывались специальной мандатной комиссией, которая занималась рассмотрением ходатайств от организаций, не принимавших участия в работе первой сессии (участвовавшие в ней допускались автоматически). Комиссия сформулировала четыре критерия, которым должны соответствовать новые организации, делегирующие на Несоцсъезд своих представителей: 1) срок возникновения не позже 20 марта 1921 г., т. е. не позже первой сессии Несоцсъезда; 2) наличие информации о количестве членов и "удельно-общественном весе" организации; 3) согласие с постановлением первой сессии; 4) недопуск военных организаций согласно правилу "армия вне политики" [3, с. 2].

В итоге комиссия допустила следующие делегации: 2 делегата – от Прогрессивно-демократической группы (А.В. Овсянкин, М.Р. Шапошников), 2 – от харбинского Русского национально-экономического союза (С.П. Абрамов, А.М. Присадский, В.Г. Шишканов), 2 – от харбинской организации сибирских областников (Ф.Э. Бутенко, М.П. Головачев), 5 – от комитета хабаровского отдела Партии Народной Свободы, 2 – от Общества воссоздания России (В.М. Ломакин, В.М. Толмачев), 2 – от Общества "Народная Воля" (В.М. Чернов, Е.А. Жданов), 5 – от совета Иверского братства, 3 – от профессионалов Амурского судоходства, 5 – от владивостокской Городской думы, 3 – от Иманского городского самоуправления, 2 – от поселковой Спасской управы, 2 – от Общества благоустройство дачной местности Седанка, 5 – от николюск-уссурийской Городской думы, 5 – от районного комитета Деженевской слободки, 5 – от первого и второго центральных комитетов домовладельцев, 3 – от районного комитета Владивостока № 7, 5 – от Союза приходов Владивостока, 1 – от военного духовенства 2-го корпуса Дальневосточной армии, 1 – от приходского совета четвёртого благочиннического участка, 1 – от шестого благочиннического округа Владивостока, 3 – от корейского общества Владивостока, 1 – от корейского национального общества Никольска-Уссурийского, 4 – от Союза георгиевских кавалеров, 5 – от районного союза до-

мовладельцев, 1 – от войскового правления Уссурийского казачьего войска, 2 – от спасского отделения Русского обновлённого общества, 1 – от беженцев Амурского казачьего войска, 1 – от мусульманских беженцев, 1 – от комитета уральских беженцев, 1 – от Общества русских труженников печатного дела, 1 – от трудовой сельскохозяйственной артели "Якорь", 1 – от паровозной бригады депо Никольска-Уссурийского. Некоторым организациям и уполномоченным делегатам было отказано в допуске: Всероссийскому Крестьянскому Союзу по причине несогласия этой проэсеровской группы с постановлениями первой сессии Несоцсъезда; исполкому Амурской крестьянской партии – из-за непредоставления сведений о себе, главному правлению Российского общества ревнителей военных знаний, начальнику штаба Амурской флотилии, второреченскому (военному) отделу Русского обновлённого общества – как военным организациям; представителю Амурского казачьего войска при походе атамане – в силу недостаточных полномочий; "земляческим" группам ижевцев, воткинцев, уральцев и волжан – из-за участия в съезде других групп с аналогичными названиями; на отказ Дальневосточной краевой думе Союза увечных воинов и Военно-национальному управлению башкир повлияло участие их представителей в работе съезда от лица других организаций. Не обошлось без протестов: башкир Г.Г. Таганов, числящийся среди представителей от казаков, инициировал голосование за допуск его на съезд ещё и в качестве делегата от башкирского Военно-национального управления. Съезд большинством голосов одобрил наделение Таганова "двойным представительством" [3, с. 2].

Неумелое руководство съездом со стороны его председателей П.К. Артемьева и В.Ф. Иванова, вражда конкурирующих групп привели к тому, что Несоцсъезд начал редеть: его покинули семь амурских представителей, делегат Русского обновлённого общества Мякинин, фракция крестьян, воздержались от участия в выборах Совета Съезда представители кадетской партии. За обращение к консульскому корпусу Владивостока была лишена полномочий группа "семёновцев" из 62 делегатов [9, с. 2].

Перед открытием второй сессии предполагалось, что на повестку Несоцсъезда будут вынесены вопросы, по которым у собравшихся могут возникнуть минимальные разногласия. Правый публицист В. Корнеев перечислил их в "Слове": "1) Отношение к текущему моменту. 2) Перевыборы Совета Съезда, так как фактически съезд остался без руководителей. 3) Составление избирательного списка в Народное Собрание и в Учредительный Съезд" [15, с. 2]. Однако политическая реальность не позволила Несоцсъезду ограничиться этими сугубо техническими вопросами. Прибытие 4 июня во Владивосток на пароходе "Киодо-Мару" атаман Г.М. Семёнова создало угрозу гражданской войны уже внутри антибольшевистского Приморья [37, с. 384]. В момент окончания второй сессии, 24 и 26 июня, состоялись конференции пробольшевистски настроенных рабочих в Никольске-Уссурийском и Владивостоке. Один из лидеров "срединных сил", член Демократического Союза М.Н. Павловский сравнивал в либерально-оппозиционной газете "Вечер" мероприятия несоциалистов и социалистов: "Оба лагеря представлены были достаточно полно: на несоциалистическом съезде после всяких отлучений и выходов оставалось все еще свыше 120 делегатов, на одном профессиональном съезде во Владивостоке собралось 235 делегатов" [24, с. 2].

Наиболее резонансные дискуссии вспыхнули вокруг проблемы названия (т. е. репрезентации) съезда, диалога с крестьянством и отношения к атаману Семёнову.

Дискуссия вокруг переименования Съезда из "несоциалистического" в "антикоммунистический"

Вопрос об отказе от прилагательного "несоциалистический" в названии съезда был рассмотрен членом Демократического Союза Л.А. Кролем, посвятившем данной проблеме отдельную статью в газете "Дальневосточная жизнь". "Возможность вступления в Съезд социалистам-антибольшевикам не должна быть отрезаема" [17, с. 1], – считал кадетский политик. "Срединные силы" были напрямую заинтересованы в сдвиге идеологической платформы Несоцсъезда с крайне правых позиций в сторону более умеренных и компромиссных.

На заседании 22 июня группой депутатов в составе М.П. Головачёва, Горчакова, Свирелина и Лободовского было предложено переименовать съезд из несоциалистического в антикоммунистический. Речь по этому поводу произнёс Горчаков, его аргументация сводилась к тому, что "в борьбе с большевизмом нецелесообразно самим увеличивать число врагов" [4, с. 2]. Делегат хоть и "не намерен особенно считаться с социалистами", предлагает учесть тот факт, что "в широких массах и в особенности в крестьянстве еще не изжиты симпатии к социалистическим течениям" [4, с. 2]. Свою речь Горчаков снабдил отсылкой к опыту антибольшевистского сопротивления на Юге России, напомнив, как бывший глава правительства белого Крыма А.В. Кривошеин сожалел, что социалисты не были привлечены в "правительство Деникина" [4, с. 2]. На слова оратора о том, что на съезде демократичность "не в большом почёте" из зала раздались крики "правильно!", которые были саркастически прокомментированы Горчаковым (в передаче корреспондента "Вечера"): "Если вы говорите "правильно", – пародирует оратор – то вы смеетесь над собой. Ведь ваше правительство – национал-демократическое. Или уже это не так?" [4, с. 2]. Горчаков, призывая к смягчению позиции съезда по отношению к социалистам-антибольшевикам, предрекал неизбежное восстановление монархии, но только в том случае, если она будет опираться на демократию.

Ещё до того, как поднять вопрос о переименовании, областник М.П. Головачёв подверг критике тезис резолюции В.Ф. Иванова (оглашена на этом же заседании) об "однородности и внепартийности" съезда, а за ним и власти. На его взгляд, недопустимо подменять "однородностью" добровольное единение многих антибольшевистских групп. Головачёв затронул тему репрезентации в более общих чертах и задался вопросом "как съезд мыслит себя". По мнению Головачёва, "съезд не парламент, он – частное учреждение, и едва ли кто решится утверждать, что съезд является выразителем воли народа" [4, с. 2]. Тем не менее альтернативный проект резолюции Головачёва был отклонён большинством голосов (6 – за, 144 – против, 18 – воздержались). За принятие резолюции В.Ф. Иванова проголосовало – 134 делегата, против – 11, воздержалось – 23.

Съезд выказал твёрдость в неприятии любого социализма – не только большевистского – поэтому затея с переименованием провалилась. Вопрос был снят с обсуждения и передан в политическую секцию Несоцсъезда. Касаясь вопроса о сотрудничестве с социалистами-антибольшевиками, В.Ф. Иванов на заседании 23 июня подчеркнул, что "революционные социалисты... никогда не согласятся на правовое буржуазное государство. И с ними съезду не по пути. Но есть социалисты Алексинский, Бурцев и другие. С ними работать можно" [5, с. 3]. Эсерам, заслуги которых в прошлом В.Ф. Иванов, по собственным словам, признаёт, но "не может им простить пристегивания к своей идеологии доктрин марксизма", была дана (Ивановым же) хлёсткая характеристика: "нелепость, недоразумение русской жизни" [5, с. 3]. Председатель "готов повиниться, что любит иногда почитать утопические рассуждения социалистов, но делает это как гурман, любящий красивое и сказочное. В жизни же эти утопии – он знает – ничего дать не могут" [5, с. 3]. Таким образом, никаких изменений в идеологии несоциалистов не произошло, в число противников по-прежнему включались все социалистические течения и партии, включая враждебно настроенные к большевикам.

Дискуссия по "крестьянскому вопросу"

"Крестьянский вопрос", внимание которому уделялось и на первой сессии Несоцсъезда (в русле столыпинской аграрной реформы) [22, с. 103 – 104], в июне 1921 г. приобрёл экстраординарное значение в связи с необходимостью для ВПП срочно найти себе прочную социальную опору в Приморье. Политические настроения крестьян колебались между оппозиционностью к меркуловскому режиму и апатией. Новое правительство в силу своего правого, "реакционного" характера по началу ассоциировалась с эксцессами "семёновщины" и "калмыковщины". Наиболее непримиримым было отношение крестьян к Семёнову, имя которого прочно связывалось с насильственными реквизициями и карательными акциями.

Также крестьян пугали перспективы возобновления активной фазы Гражданской войны. В наказе делегатам от Глуховского сельского общества

Суйфунской волости подчёркивалось, что "нам надоела гражданская война и все последствия таковой и нам крайне желательно вздохнуть уже свободно..." [29, с. 3]. Составители наказа заявляли о неприятии насильственной смены власти, необходимости проведения выборов в представительный орган на основе всеобщего избирательного права; в условиях недоверия к пришедшему в результате переворота правительству крестьяне соглашались признавать только земство, как "избранное всем народом" [29, с. 3].

В целом же крестьянам было безразлично, какое правительство обосновалось во Владивостоке (за исключением "семёновского", которое однозначно отвергалось, вплоть до готовности крестьян противостоять ему с оружием в руках). В настроениях крестьянства господствовал утилитаризм, от государства оно требовало помощи и невмешательства во внутренние дела (особенно в виде реквизиций) одновременно. По оценке корреспондента "Вечера", "вопросы политики имеют для крестьянства интересы лишь постольку, поскольку они отразятся на его повседневной жизни и поэтому гораздо большей заботой, чем все политические события является дующая уже несколько недель засуха" [16, с. 2].

Тем не менее политически-активные крестьяне (не следует забывать, что во Временном Народном Собрании Дальнего Востока/Приморском областном Народном Собрании в 1920–1921 гг. имелась крестьянская фракция) попытались донести до несоциалистов свой взгляд на создающуюся в Приморье ситуацию. Совещание крестьян и казаков вынесло 17 июня постановление, предназначенное для вручения Несоцсъезду. Под резолюцией стояли подписи 62 представителей от крестьянства, 9 – от уссурийского казачества и 2 – от Полтавского станичного округа. В первом пункте постановления изъявлялась готовность признать лишь власть, избранную Учредительным Собранием (Учредительным Съездом). Решение о выборах в Учредительное Собрание должно стать первым актом Народного Собрания после его открытия, причём гарантом обеих форм народного представительства, – регионального парламента и общероссийской конституанты – объявлялась "кашпелевская армия" (что говорит о высоком доверии жителей Дальнего Востока к этой "народной" армии). Выборы в Учредительное Собрание надлежало провести по избирательному законодательству 1917 г., т.е., в отличие от деятелей Белого движения, призывавших скорректировать порядок выборов и правовой статус "Национального Учредительного Собрания" после победы над большевизмом [38, с. 536–549], приморские крестьяне продолжали идеализировать "февралистский" опыт законодательства. Постановление содержало пункты о неприкосновенности органов земского и городского самоуправления, о защите национальных интересов от иностранных посягательств. Отдельный пункт своего постановления крестьяне и казаки посвятили атаману Семёнову, заявив о нежелательности не только его власти, но даже пребывания на территории России. Отношение к правительству С.Д. Меркулова обуславливалось тем, разделяет ли данное правительство положения крестьянско-казачьей резолюции. Представители Полтавского станичного округа в отдельном мнении высказались о Несоцсъезде: "...Несоциалистический съезд, как таковой, не является выразителем воли народа, как воли большинства, так как в нем не представлены широкие слои населения. Что съездом этим пытаются подгазовать мнение народа, заслонить орган правомочного представительства народа – Народное Собрание, по этой причине крестьяне и казаки Полтавского станичного округа, доводя о всем указанном до сведения съезда постановляют: в его работах участия не принимать, а требовать скорейшего созыва Народного Собрания" [30, с. 3]. В резолюции ставилось ограничение на участие крестьянско-казачьей делегации в работе Несоцсъезда: делегация должна была зачитать постановления, высказать мнение насчёт него и покинуть съезд.

На Несоцсъезде с постановлением крестьян ознакомились в день составления документа, 17 июня, когда он был зачитан на закрытом заседании. Спешка при написании резолюции выразилась в двусмысленности некоторых её формулировок, что подметил корреспондент "Вечера": "Интересно отметить двойственность, если даже не противоречия, в той части постановлений, которая касается положения Вр[еменного] П[равительст]ва. В одном пункте постановления, в угоду казачьим депутатам сказано, что "верховным хозяином" является лишь Учредительный съезд, а в другом, в угоду крестьянским де-

путатам врем[еменное] правительство объявлено "ответственным" уже перед Нар[одным] Собранием. Вот тут и разбирайся" [25, с. 2]. Несмотря на скептическую оценку Несоцсъезда в тексте резолюции, председатель крестьянско-казачьей делегации Грачёв всё же пожелал съезду плодотворной работы. Присутствовавший на съезде глава ВПП С.Д. Меркулов заявил о приемлемости всех заявленных в резолюции пунктов – блок с крестьянами был очень важен для молодого правительства, вступившего в конфликт с Г.М. Семёновым [25, с. 2]. Глава правительства был не одинок – по оценке корреспондента "Голоса Родины" оглашение крестьянско-казачьей резолюции "произвело на большинство съезда отрезвляющее действие, тем более что на этот раз у участников съезда не было подозрения, что резолюция крестьянско-казачьей группы сочинялась под диктовку большевиков или вообще левых элементов, а явилось выражением подлинных взглядов этой группы" [35, с. 3]. Обструкцию попытались устроить лишь делегаты "семёновской ориентации", наклеив на крестьян ярлыки "липовых", "дутых", "маргариновых", "фальсифицированных", "совдепщиков" [25, с. 2].

Союз между ВПП и крестьянством на почве конфронтации с непопулярным Семёновым, однако, так и не возник – левая политическая культура местного крестьянства, выработанная за годы революции и Гражданской войны, помешала ему поддержать ВПП. Даже "классово близкая" крестьянству "кашпелевская" армия оказалась ему в итоге чуждой из-за разного целеполагания у дальневосточных крестьян и "кашпелевцев": первые желали немедленного прекращения Гражданской войны, вторые – свержения советской власти. Приморское крестьянство сохраняло пассивно-скептическое отношение к антибольшевистскому режиму, лишая его тем самым широкой народной опоры. Местным крестьянам не доводилось сталкиваться с продовольственной политикой большевиков и прочими негативными аспектами советской власти (за исключением действий партизанских отрядов, мало чем отличавшихся от хунхуз), отсюда – присущая им тенденция преуменьшать исходящую от ДВР угрозу их жизненному укладу, и, напротив, преувеличивать отрицательные стороны "реакционеров".

Отношение Съезда к атаману Г.М. Семёнову

Заседания второй сессии наложились на переговоры ВПП с прибывшим из Порт-Артура Г.М. Семёновым. Конфликт из-за лидерства приковал внимание Несоцсъезда и отвлек его от обсуждения более глобальных вопросов, таких как стратегия борьбы с большевизмом, преобразования в Приморье и т.д. Участник съезда Н. Лидин в "Вечере" констатировал, что "яблоком раздора на съезде явился атаман Семенов" и что "на закрытых заседаниях съезда велись бесконечные, бурные прения о роли и значении атамана Семёнова" [21, с. 2]. В зале заседаний чутко следили за всеми новостями, касающимися "порт-артурского" кандидата в вожди; 18 июня "Вечер" оповещал читателей о ходе "тайных" переговоров: будто бы Семёнов потребовал от ВПП 400 тысяч рублей "отступных", раздела скопившихся во Владивостоке грузов для их продажи и свободного проезда до Гродеково, откуда атаман проследует вглубь китайской территории до Хайлара – для встречи с генералом Чжан Цзолинем, якобы договорившегося с Семёновым о совместной борьбе против большевиков. ВПП не могло удовлетворить ультиматум атамана хотя бы из-за острого дефицита денежных средств, вместо маршрута Владивосток-Гродеково-Хайлар был предложен альтернативный маршрут – морем до Дайрена и оттуда на Хайлар, относительно же сведений о союзе Семёнова с китайскими националистами правительство С.Д. Меркулова испытывало сомнения [25, с. 2]. Пресса ретранслировала беззастенчивые "домогательства" Семёнова и вместе с тем твёрдый отпор им со стороны С.Д. Меркулова, чем подрывала позиции "семёновцев" на съезде.

Первым оратором, с трибуны призвавшим признать главенство атамана был представитель небольшой группы профессионалов Амурского речного судоходства Сахария. Главными же оплотами "семёновщины" на съезде являлись две "харбинских" группировки: умеренный Русский национально-экономический союз в лице кооперативного деятеля Закупсбыта В.Г. Шишканова, члена биржевого комитета П.В. Иванова и пр., и праворадикальное Общество воссоздания России, т. н. "толмачево-ломакинская группа", возглавляе-

мая бывшим градоначальником Одессы генералом И.И. Толмачёвым и, по оценке Лидина, не выходящая "из рамок программы и тактики союза русского народа" [21, с. 2]. Толмачёв не только лоббировал интересы Семёнова, но и являлся сторонником авторитарных методов управления; в частности, им был предложен проект, согласно которому необходимо отсрочить выборы в Народное Собрание, послать в сельскую местность войска для обеспечения "свободы выборов", а наблюдение за волеизъявлением поручить Несоцсъезду. Проект был снят с обсуждения, успев оставить негативное впечатление о представителях "семёновской ориентации" [41, с. 2]. Защита репутации атамана Толмачёвым выразилась также в призывах к единомышленникам собраться на экстренное совещание 22 июня не в традиционном зале заседаний, а в вагоне, стоящем в почтовом тупике, на что "Голос Родины" не преминул съязвить: "Очевидно, сами правые очутились в тупике" [32, с. 2]. Сторонники атамана упустили шанс аргументированно обосновать свои симпатии, в т. ч. из-за неуместных заявлений Толмачёва, при пассивности делегатов Национально-экономического союза; по впечатлению Н. Лидина, последний "остался в тени, не выдвинув из своей среды оратора, который бы развил идеологию союза, оттенки отличия ее от "идеологии" правого течения возглавляемого Толмачёвым" [21, с. 2]. Вместо внятных доводов в пользу Семёнова от авторитетных предпринимательских и кооперативных кругов, Несоцсъезд услышал призывы к ужесточению правопорядка и отсрочке выборов в Народное Собрание.

Вопрос о верховной власти был решён резолюцией от 22 июня, подготовленной политической секцией во главе с В.Ф. Ивановым, который представил резолюцию докладом "о политическом моменте". Съезд принимал на себя ответственность за переворот и закреплял позитивную трактовку "революционности" в приморском политическом лексиконе, что вытекало из пункта 2 резолюции: "Революционное движение, приведшее к падению антинародной власти большевиков, идейно было подготовлено мартовским съездом, который точно формулировал цели и задачи движения и выдвинул его исполнителей" [27, с. 3]. Этот пункт был продиктован необходимостью чётко обозначить организаторов "освобождения Приморья", чтобы обесценить претензии Семёнова на верховную власть (во время переворота атаман находился в Порт-Артуре и ввиду этого как бы лишился морального права претендовать на главенство в регионе – управлять краем должны те, кто непосредственно руководил его освобождением). Большой важностью обладали пункты резолюции об "однородной, внепартийной, тесно сплоченной идеологически общности" как о фундаменте власти, о недопустимости преобразования власти до созыва Учредительного Съезда (таким образом, Несоцсъезд пытался закрепить себя в статусе "монополиста" на политической авансцене Дальнего Востока), о ВПП как "хранителе общегосударственной идеи", имеющем конечную цель – "восстановление Великой Единой России" [27, с. 3].

Хотя в резолюции Семёнов даже не упоминался, она фактически дезавуировала претензии атамана на верховную власть в Приморье. На заседании 22 июня это дал понять князь Ухтомский: "Слова, что все благополучно и конфликта между Временным Приамурским Правительством и атаманом Семеновым нет – не верны; конфликт есть, и мы не можем уйти, не сделав всего возможного к его устранению" [27, с. 3]. Председательствующий на заседании И.К. Артемьев и В.Ф. Иванов попросили Ухтомского придерживаться темы доклада. Тот отказался, после чего В.Ф. Иванов вынужден был сделать ремарку насчёт Семёнова, заявив, что "атамана он знает давно и работал с ним ранее и в своем докладе он указывал, что нужные России люди не могут быть отброшены" [27, с. 3]. Таким образом, Иванов допускал возможность привлечения Семёнова к антибольшевистской работе, но не на первых ролях, как хотелось бы самому атаману. За принятие резолюции проголосовало 139 делегатов Съезда, против – 11, при 23 воздержавшихся [27, с. 3].

Ответ на принятую резолюцию со стороны "семёновцев" был дан 24 июня. Правые "просемёновские" группировки подали протест против нарушений, допущенных на второй сессии Несоцсъезда. В перечне нарушений: недопуск к участию в съезде 60 делегатов от 25 организаций, представляющих, по подсчёту авторов, 100 тысяч человек одних только беженцев; приглашение враждебной крестьянской делегации, которая не только выразила с трибуны недоверие правительству, но и оповестила печать о ходе закрытого заседания

съезда; исключение со съезда 62 симпатизантов Семёнова из-за того, что те довели до сведения консульского корпуса во Владивостоке, в т.ч. до японского посланника, содержание своего фракционного постановления о поддержке атамана; отказ президиума съезда огласить стенограмму переговоров между генералами И.С. Смолиным и Г.А. Вержбицким, "вскрывающих загадочную политику этих правительственных агентов по отношению к коммунистам", а также ряд процедурных нарушений (в т.ч. принятие некоторых резолюций без наличия кворума, допуск к голосованию членов правительства, что, по мнению "семёновцев", противоречит "самым элементарным парламентским обычаям" – необычная для сторонников забайкальского атамана апелляция к культуре парламентаризма) [12, с. 2].

Резолюция сторонников атамана не возымела практического эффекта, т.к. руководство Несоцсъездом плотно держала в своих руках "промеркуловская" группировка. По выражению газеты "Слово", Несоцсъезд "'вышиб" крайнее правое крыло, состоявшее из "старочитинцев"..." [14, с. 1]. Обращение к японскому консулу послужило поводом для обвинений "семёновцев" в непатриотическом поведении.

Вторая сессия Несоцсъезда стала не столько площадкой для выработки идеологических программ, сколько ареной борьбы между действующим составом ВПП и атаманом Семёновым. Персона атамана оказалась слишком скомпрометированной в глазах населения, чем воспользовались его оппоненты. Приверженцы Семёнова не только не развенчали стереотипы об атаманской политике, но и в лице генерала Толмачёва подтвердили свою репутацию крайних "реакционеров". Поражение Семёнова в борьбе за лидерство в белом Приморье было вскоре закреплено официальными указами ВПП от 29 июня № 43, 44 и 46, где атаман квалифицировался как "государственный преступник" [2, с. 5–6].

Культура ведения дискуссий

В докладе 22 июня В.Ф. Иванов заметил, что "мы, русские, вообще максималисты, народ крайностей – наш девиз: или все, или ничего..." [8, с. 3]. Атмосфера, в которой происходил Съезд, как будто подтверждала сказанное. Поведение делегатов свидетельствовало о всплеске накопившейся агрессии. Вспыхивали стычки, чреватые членовредительством. По информации корреспондента газеты "Вечер", пик напряжения был достигнут на заседании 21 июня. В этот день произошло несколько резонансных конфликтов. После критического замечания члена съезда Степанова о правительстве на него на улице с кулаками набросился Д.И. Густов, на помощь которому поспешил вооружённый булыжником П.В. Оленин ("Вечер" неверно сообщал об участии в драке К.Д. Куприянова, что вынудило этого участника съезда обратиться в газету с открытым письмом – он не дрался, а лишь разнимал участников [7, с. 3]) [41, с. 2]. Другая перепалка произошла между И.К. Артемьевым и священником Василием Демидовым. "Вечер" передавал суть инцидента так: "Страсти снова забурили. Между свящ. Василием Демидовым и членом съезда Артемьевым возникла крупная перепалка: "Жид, провокатор!" "Нет, ты сам жид и провокатор!" "Никогда я не был жидом". Вот какими любезностями обменивались члены съезда. Попутно всплыл вопрос о якобы еврейском происхождении одного из высших должностных лиц" [41, с. 2].

Конфликтная атмосфера, присущая Несоцсъезду, где перебранки вспыхивали даже не столько по идеологическим, сколько по личным мотивам, перешла в Приамурское Народное Собрание (наиболее харизматичные и одновременно конфликтные делегаты Несоцсъезда, например, П.В. Оленин и В.П. Донченко были избраны депутатами Народного Собрания). Отсутствие парламентской культуры препятствовало превращению представительного органа – будь то Несоцсъезд или Народное Собрание – в полноценную опору исполнительной власти.

Иные дискуссии и итоги Съезда

Приоритет борьбы политических группировок над обсуждением вопросов государственного устройства, экономического развития и, наконец, стратегии борьбы с большевизмом – главная причина, по которой вторая сессия Не-

соцсъезда не раскрыла того огромного потенциала, который у него безусловно наличествовал. Прения по поводу "реконструкции власти" оказались выхолощены, сведены к агитации за конкретных кандидатов на пост главы правительства. Популярное течение русской политической мысли очень скромно заявили о себе в ходе работы съезда. Монархическая идея не получила надлежащего теоретического обоснования в речах делегатов, хотя большинство их и сочувствовало восстановлению монархии. Старообрядческий священник из полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) Иоанн Кудрин на открытии съезда 16 июня оперировал параллелями из XVII в.: сравнил Владивосток с Нижним Новгородом (базой Второго Ополчения, освободившего Москву от польско-литовских интервентов в 1612 г.) и предрёк "движение под сенью русского флага к стенам московского кремля" [19, с. 3]. Кудрин первым из ораторов выразил витавшую в воздухе идею реставрации монархии, снабдив её мистическим содержанием. Он, в частности, заявил, что "поруванный большевиками московский царский трон не будет пуст" и что "разорванная царская порфира будет сшита и над всей Россией засияет крест и с ним в душе русский народ встретит пришествие царя царей" [19, с. 3]. Монархическая риторика звучала и в других выступлениях, например, аплодисменты съезда снискали слова генерала Н.А. Лохвицкого о том, что "только державный вождь государь император может устранить раздоры и сплотить всех воедино" [21, с. 2]. Отдельной дискуссии на тему практических сценариев восстановления монархии не съезде не велось и за пределы заявлений отдельных делегатов монархическая повестка так и не вышла. Более того, ключевые фигуры съезда, близкие или вхожие в правительство, избегали прямых апелляций к монархии; например, уваровская формула "православие, самодержавие, народность" в речи В.Ф. Иванова прозвучала как "православие, народность, сильная единоличная власть" [21, с. 2]. Белой приморской государственности предстояло пройти травматическую "школу" парламентских распрей, прежде чем обратиться к монархической теории со всей серьёзностью (вал публикаций на тему монархии появится в приморской печати летом 1922 г., после окончившегося человеческими жертвами "недоворота" 31 мая – 11 июня).

Дилемма между, с одной стороны, развёртыванием военных действий против ДВР/РСФСР и, с другой – отказом от наступательных действий в пользу укрепления плацдарма на имеющейся территории горячо обсуждалась на заседании 17 июня, но потом была снята с повестки без достижения видимого результата. Сторонники экспансии в направлении советской Сибири, главным из которых был Д.И. Густов, настаивали "на соединении функций по управлению краем с завоевательными целями, в результате чего границы государства должны безгранично расширяться в западном направлении по мере свержения там советской власти вооружёнными силами, посланными из Приморья, к которым, как предполагается, пристанут местные анти-большевистские организации" [20, с. 3]. Спад повстанчества после введения НЭП не принимался во внимание. Противоположной позиции придерживался князь А.А. Крапоткин, вступивший с Густовым в жаркий диспут [20, с. 3]. Консенсус предсказуемо не был достигнут. За исключением этих кратковременных прений Несоцсъезд абстрагировался от вопросов военной стратегии, доверив их правительству и армейскому руководству.

Церемония закрытия второй сессии Несоцсъезда прошла 25 июня и сопровождалась молебном. Речь произнёс епископ Камчатский Нестор, который, несмотря на проповеднический характер выступления, отозвался на проблему разногласий между участниками съезда. Он подчеркнул, что "если членами Съезда в силу политического разномыслия не было достигнуто единство в искании правды, если даже расхождение во взглядах иногда выражалось слишком горячо и резко, то сейчас во время общей молитвы должно быть достигнуто между всеми полное единение во имя Христа" [34, с. 1].

На сессии 11 – 25 июня 1921 г. Несоцсъезд не без трудностей решил поставленную задачу – добился общественной поддержки для ВПП. Эта поддержка была выражена в резолюции 22 июня, которая явилась главным программным документом Съезда. Вместе с тем были обозначены линии раскола проправительственных несоциалистов с другими политическими силами. Конфликт с небольшевистскими социалистами и "срединными силами"

проявился в отказе переименовывать Съезд из "несоциалистического" в "антикоммунистический". Недопонимание с приморским крестьянством дало о себе знать при оглашении резолюции группы крестьян и казаков 17 июня; несмотря на точку соприкосновения – нежелательность атамана Семёнова как для ВПП, так и для крестьян – режим не смог развить сотрудничество с идеологически "левыми" крестьянскими политиками. Противоречия между большинством Несоцсъезда и делегациями сторонников Семёнова по вопросу о верховной власти едва не привели ко "внутренней" гражданской войне в белом Приморье. Для самого правительства С.Д. Меркулова "побочным эффектом" работы Несоцсъезда стало сохранение его как самодовлеющей силы, что создавало потенциальную угрозу ВПП. Рост напряжённости между Советом Несоцсъезда и группой С.Д. Меркулова сначала выразится в попытках созвать третью сессию Несоцсъезда, а затем приведёт к попытке переворота 31 мая – 11 июня 1922 г.

Литература

1. № 13. 14 июня 1921 года // Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 30 июня. № 2. С. 2–3.
2. № 46. 29 июня 1921 года // Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. 11 июля. № 4. С. 5–6.
3. Арский В. На несоциалистическом съезде // Вечер. 1921. 21 июня. № 323. С. 2.
4. Арский В. На несоциалистическом съезде // Вечер. 1921. 23 июня. № 325. С. 2.
5. Арский В. На несоциалистическом съезде // Вечер. 1921. 24 июня. № 326. С. 2–3.
6. "Выбыли в отпуск" // Вечер. 1921. 21 июня. № 323. С. 2.
7. "В числе драки" // Вечер. 1921. 24 июня. № 326. С. 3.
8. Доклад по текущему политическому моменту зачитанный В. Ф. Ивановым в чрезвычайной сессии Съезда 22 июня 1921 г. // Слово. 1921. 23 июня. № 336. С. 2–3.
9. "Единодушные" несоциалистический съезда // Вечер. 1921. 27 июня. № 328. С. 2.
10. Землянский В. Л. Роспуск Приморского областного Народного собрания правительством С. Д. Меркулова в 1921 г. // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. СПб.: Элек-Сис, 2017. С. 144–149.
11. Из общественных настроений // Слово. 1921. 23 июня. № 336. С. 1.
12. К расколу на съезде // Голос Родины. 1921. 27 июня. № 527. С. 2.
13. Кокоулин В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917–ноябрь 1922 гг.): дисс. д-ра ист. наук. Кемерово, 2005. 476 с.
14. Корнеев В. К работам Съезда // Слово. 1921. 24 июня. № 337. С. 1.
15. Корнеев В. К Съезду 10-го июня // Слово. 1921. 8 июня. № 325. С. 2.
16. Крестьянские настроения в Приморьи // Вечер. 1921. 18 июня. № 322. С. 2.
17. Кроль Л. А. К переименованию съезда // Дальневосточная жизнь. 1921. 16 июня. № 2. С. 1.
18. Л. С. К Несоциалистическому Съезду // Голос Родины. 1921. 8 июня. № 509. С. 4.
19. Л. С. На несоциалистическом съезде // Голос Родины. 1921. 17 июня. № 518. С. 3.
20. Л. С. Несоциалистический съезд // Голос Родины. 1921. 18 июня. № 519. С. 3.
21. Лидин Н. После съезда // Вечер. 1921. 28 июня. № 329. С. 2–3.
22. Ляхов Д. А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (конец 1919–1922 гг.). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. 188 с.
23. Местные каде и Несоциалистический съезд // Дальневосточная жизнь. 15 июня. № 1. С. 2.
24. М. П. [Передовица] // Вечер. 1921. 27 июня. № 328. С. 2.
25. На закрытом заседании несоциалистического съезда // Вечер. 1921. 18 июня. № 322. С. 2.
26. Несоциалистический Съезд // Голос Родины. 1921. 10 июня. № 511. С. 2.
27. Н. Съезд представителей несоциалистического населения // Слово. 1921. 24 июня. № 337. С. 3.
28. Открытие Съезда // Слово. 1921. 16 июня. № 331. С. 1.
29. По уезду // Уссурийское слово. 1921. 18 июня. № 264. С. 3.
30. Постановление совещания крестьян и казаков // Воля. 1921. 24 июня. № 215. С. 3.

31. Положение о выборах в Приамурское Народное Собрание // Приложение к Указу Вр. Приамурского Пр-ва от 14 июня за № 13 "Вестник Вр. Приам. Пр-ва" № 2 от 30 июня 1921 г. С. 1–5.
32. Раскол на несоциалистическом съезде // Голос Родины. 1921. 22 июня. № 522. С. 2.
33. Ратобой. На Съезде // Слово. 1921. 24 июня. № 337. С. 1–2.
34. Слово Епископа Нестора на молебне при закрытии Съезда представителей несоциалистического населения в гор. Владивостоке 25 июня 1921 года // Слово. 1921. 28 июня. № 340. С. 1.
35. Съезд несоциалистических организаций // Голос Родины. 1921. 21 июня. № 521. С. 2.
36. Съезд представителей несоциалистического населения // Слово. 1921. 26 июня. № 339. С. 2.
37. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 2. М.: Достоинство, 2016. 640 с.
38. Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Яуза, 2019. 1056 с.
39. Число депутатов // Слово. 1921. 19 июня. № 334. С. 2.
40. Член Съезда. Вокруг съезда // Слово. 1921. 22 июня. № 335. С. 1.
41. Н. Нравы правого совдепа // Вечер. 1921. 23 июня. № 325. С. 2.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. № 13. 14 iyunya 1921 goda // Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva. 1921. 30 iyunya. № 2. S. 2–3.
2. № 46. 29 iyunya 1921 goda // Vestnik Vremennogo Priamurskogo Pravitel'stva. 1921. 11 iyulya. № 4. S. 5–6.
3. Arskij V. Na nesotsialisticheskom s"ezde // Vecher. 1921. 21 iyunya. № 323. S. 2.
4. Arskij V. Na nesotsialisticheskom s"ezde // Vecher. 1921. 23 iyunya. № 325. S. 2.
5. Arskij V. Na nesotsialisticheskom s"ezde // Vecher. 1921. 24 iyunya. № 326. S. 2–3.
6. "Vybyli v otpusk" // Vecher. 1921. 21 iyunya. № 323. S. 2.
7. "V chisle draki" // Vecher. 1921. 24 iyunya. № 326. S. 3.
8. Doklad po tekushhemu politicheskomu momentu zachitannyj V. F. Ivanovym v chrezvyčajnoj sessii S"ezda 22 iyunya 1921 g. // Slovo. 1921. 23 iyunya. № 336. S. 2–3.
9. "Edinodushie" nesotsialich[eskogo] s"ezda // Vecher. 1921. 27 iyunya. № 328. S. 2.
10. Zemlyanskij V. L. Rospusk Primorskogo oblastnogo Narodnogo sobraniya pravitel'stvom S. D. Merkulova v 1921 g. // Tavricheskie chteniya 2016. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. SPb.: EHlek-Sis, 2017. S. 144–149.
11. Iz obshhestvennykh nastroyenij // Slovo. 1921. 23 iyunya. № 336. S. 1.
12. K raskolu na s"ezde // Golos Rodiny. 1921. 27 iyunya. № 527. S. 2.
13. Kokoulin V. G. Politicheskie partii v bor'be za vlast' v Zabajkal'e i na Dal'nem Vostoke (oktyabr' 1917–noyabr' 1922 gg.): diss. d-ra ist. nauk. Kemerovo, 2005. 476 s.
14. Korneev V. K rabotam S"ezda // Slovo. 1921. 24 iyunya. № 337. S. 1.
15. Korneev V. K S"ezdu 10-go iyunya // Slovo. 1921. 8 iyunya. № 325. S. 2.
16. Krest'yanskije nastroyeniya v Primor'i // Vecher. 1921. 18 iyunya. № 322. S. 2.
17. Krol' L. A. K pereimenovaniyu s"ezda // Dal'nevostochnaya zhizn'. 1921. 16 iyunya. № 2. S. 1.
18. L. S. K Nesotsialisticheskomu S"ezdu // Golos Rodiny. 1921. 8 iyunya. № 509. S. 4.
19. L. S. Na nesotsialisticheskom s"ezde // Golos Rodiny. 1921. 17 iyunya. № 518. S. 3.
20. L. S. Nesotsialisticheskij s"ezd // Golos Rodiny. 1921. 18 iyunya. № 519. S. 3.
21. Lidin N. Posle s"ezda // Vecher. 1921. 28 iyunya. № 329. S. 2–3.
22. Lyakhov D. A. Nebol'shevistskie modeli politicheskogo ustrojstva Dal'nego Vostoka Rossii (konets 1919–1922 gg.). Khabarovsk: Khabarovskij kraevoj muzej im. N.I. Grodekova, 2015. 188 s.
23. Mestnye ka-de i Nesotsialisticheskij s"ezd // Dal'nevostochnaya zhizn'. 15 iyunya. № 1. S. 2.
24. M. P. [Peredovitsa] // Vecher. 1921. 27 iyunya. № 328. S. 2.
25. Na zakrytom zasedanii nesotsialisticheskogo s"ezda // Vecher. 1921. 18 iyunya. № 322. S. 2.
26. Nesotsialisticheskij S"ezd // Golos Rodiny. 1921. 10 iyunya. № 511. S. 2.
27. N. S"ezd predstavitelej nesotsialisticheskogo naseleniya // Slovo. 1921. 24 iyunya. № 337. S. 3.
28. Otkrytie S"ezda // Slovo. 1921. 16 iyunya. № 331. S. 1.
29. Po uezdu // Ussurijskoe slovo. 1921. 18 iyunya. № 264. S. 3.
30. Postanovlenie soveshchaniya krest'yan i kazakov // Volya. 1921. 24 iyunya. № 215. S. 3.

Popov F. A. The second session of the Non-Socialist Congress in Vladivostok (June 11–25, 1921): the main problems of Primorye after the anti-Bolshevik coup and discussions around them.

The article examines the history of convocation of the second (extraordinary) session of the Non-Socialist Congress on June 11–25, 1921, the course of its meetings and the main discussions. After the coup on May 26, 1921, the anti-Bolshevik Provisional Priamur Government came to power in Primorye, formed from members of the Council of Non-Socialistic Far-Eastern Organisation's Congress, convened in March 1921. In an atmosphere of instability, the new government needed public support, which was to be provided by the Non-Socialist Congress, for which he was summoned to a new session. The right-wing, monarchist, anti-Bolshevik organizations of Vladivostok, Nikolsk-Ussuriisky and Harbin took part in the work of the Non-Social Congress. In the course of its work, discussions arose around the Congress renaming from "non-socialist" to "anti-communist", about the peasantry's attitude to the new government, and also about the ataman Semyonov's claims to the supreme power in Primorye. At the Congress, other problematic issues were also raised, for example, the restoration of the monarchy and the strategy of the anti-Bolshevik struggle. The behavior of the members of the Congress was distinguished by a high degree of aggression, there were fights between the delegates. As a result, despite the polemics on various issues that took place, the Non-Social Congress expressed full support for the Provisional Priamur government.

Key words: *Civil war in the Far East, Non-Socialist Congress, white movement, Provisional Priamur Government, parliamentarism, Vladivostok*

Для цитирования: Попов Ф. А. Вторая сессия Несоциалистического Съезда во Владивостоке (11–25 июня 1921 г.): основные проблемы Приморья после антибольшевистского переворота и дискуссии вокруг них // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3. С. 76–89. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/76-89

For citation: Popov F. A. The second session of the Non-Socialist Congress in Vladivostok (June 11–25, 1921): the main problems of Primorye after the anti-Bolshevik coup and discussions around them // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 3. P. 76–89. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-3/76-89

